

Однако Линь Луси не стал углубляться в лишние размышления. В соревнованиях кто-нибудь да получает травму — это в порядке вещей, на то они и поединки. Гао Кэюнь выглядела так, будто её только что переехало чем-то тяжёлым, но по сути ранения у неё были не серьёзные: просто больно, просто обидно, просто унижительно. Настоящая же катастрофа случилась не с телом, а с тем, что для неё было куда важнее любой царапины, — с лицом, статусом, с самоуважением.

Потому что её никто никогда так не бил.

Никто никогда не позволял себе обращаться с ней подобным образом — ни в зале, ни в жизни. А теперь её внешнее благородство и внутренняя уверенность, всё то, чем она привыкла прятаться, словно щитом, на глазах у сотен, у тысяч людей разорвали и втоптали в грязь. И не просто разорвали — сделали это показательно, на публике, так, чтобы она каждую секунду ощущала взгляды вокруг.

Проще говоря: Гао Кэюнь никогда не получала «социальной прививки» реальностью. Она не знала, каково это — когда мир не прогибается под тебя. Её самолюбие треснуло, мозг на мгновение «не переключился», и вместо того чтобы отступить, она вдруг подняла голову резко, рывком — и выражение её лица стало таким, что у зрителей неприятно сжалось внутри: искажённое, бешеное, безумное.

И тут же вокруг ринга завывла тревога — противное, режущее уши «у-ва, у-ва», предупреждающее об опасности.

Линь Луси на мгновение застыл, словно не сразу понял, что происходит, — а в следующую секунду его будто окатило холодной водой: по коже побежали мурашки, в затылке неприятно свело, и где-то на самой границе восприятия поднялась тяжёлая, липкая тревога.

Он мгновенно собрался: напрягся, насторожился, перешёл в состояние полной готовности. Опасность была — он чувствовал её настолько ясно, что сомнений не оставалось, — но глазами он её не видел. Линь Луси быстро огляделся, и со стороны могло показаться, будто он растерялся, будто не понимает, куда смотреть.

Но уже в следующий миг он резко, почти судорожно перевёл взгляд на Гао Кэюнь — в двух метрах от него, — и как раз успел встретиться с её глазами.

Они были красные, воспалённые — не от слёз, а от ярости; в них не было ни стыда, ни страха, только желание причинить боль.

Линь Луси почувствовал, как нечто невидимое ударило в направлении его головы — будто сжатый кулак, который летит не через воздух, а напрямую через пространство. Он не знал, что это; не успел осознать. Тело же отреагировало раньше разума: руки взлетели и перекрестились перед лбом, закрывая голову.

Но ожидаемого удара не случилось.

Вместо этого раздался женский, пронзительный крик — короткий, сорвавшийся на истерику. Линь Луси, не веря, осторожно приоткрыл глаза... и в поле зрения ворвалась золотая волна — длинные светлые волосы, развевающиеся от движения, как знамя.

Юэ Синхэ стоял перед ним.

Когда он успел — никто бы не сказал. Он появился так, будто сам воздух послушно сдвинулся, пропуская его вперёд. Он даже не удостоил Гао Кэюнь взглядом — ту, что лежала на настиле, схватившись за голову и выла от боли. В его светло-золотых глазах был только Линь Луси, только он один, как будто мир сузился до этой точки.

— Ты в порядке? — спросил Юэ Синхэ быстро, с той тревожной внимательностью, которая вырывается лишь в критические секунды. — Ты сейчас не ударился? Голова не болит?

Линь Луси на секунду растерялся.

И вновь — как уже не раз за последние дни — подумал о том, насколько главный герой умеет быть хорошим другом: в ключевой момент он неизменно выходит вперёд, закрывает собой, держит удар на себе, не требуя объяснений и не спрашивая «а стоит ли».

Если бы Линь Луси был прежним владельцем тела, то, какие бы причины ни толкали его когда-то на предательство, с таким человеком рядом он бы радовался до глупости — и уж точно не поднял бы руку в ответ. И именно сейчас, глядя на Юэ Синхэ, Линь Луси неожиданно ясно ощутил внутри простое, почти детское желание: правда подружиться с ним. Не играть в «приятелей», не выстраивать выгодные отношения, а именно стать другом.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Ты пришёл очень вовремя. Я вообще не пострадал. Ни царапины.

Трибуны в этот момент кипели: кто-то кричал, кто-то ругался, кто-то вскочил на ноги. Ведущий на реактивном модуле подлетел к рингу и — жестом, не допускающим сомнений, — показал Гао Кэюнь красную карточку.

Правила были предельно чёткими: этот турнир, устроенный университетом, проверял в первую очередь физическую подготовку и боевые навыки тела. Ментальные атаки здесь запрещались. Нарушение означало не просто проигрыш: результат аннулировался, и нарушитель получал дисциплинарное взыскание — публичное, официальное, с занесением в историю.

Эту тонкость знали все, кроме Линь Луси — «вставного» студента, который свалился в этот мир посреди сюжета и не мог помнить каждой строчки регламента. Гао Кэюнь знала — и всё равно сорвалась.

Её вывели, точнее, унесли медики; носилки скользнули за кулисы, а она всё ещё смотрела на Линь Луси так, будто готова была проклясть его на месте. И в своей голове она уже всё решила: то, что Юэ Синхэ не обращает на неё внимания, — это не её вина, это Линь Луси «виноват». Это он всё испортил, он всё отнял, он выставил её посмешищем.

«Линь Луси, подожди. Я тебе это не оставлю.»

Линь Луси, впрочем, не испытывал ни капли желания вчитываться в её взгляд. Ему было всё равно. Он выиграл этот бой, прошёл в полуфинал и — по уговору — теперь официально стал студентом Университета Союза.

До конца света в его прежней жизни он тоже был первокурсником: только поступил, только начал, и всё оборвалось. Теперь, в этом странном новом мире, он словно заново возвращался в ту точку, где когда-то потерял возможность жить «нормально». И как ни смешно, это действительно закрывало одну его давнюю, незаживающую внутреннюю дыру.

Когда Линь Луси возвращался с ринга к скамье участников, на него смотрели все. Взгляды липли к коже, как пыль: удивление, злость, непонимание, страх, восхищение — всё вперемешку.

Юэ Синхэ, заметив это, тихо спросил, не навязываясь, но с заботой:

— Хочешь смотреть дальше из комнаты отдыха?

Линь Луси улыбнулся, заговорщически подмигнул правым глазом, сжал кулак, не скрывая возбуждения:

— Не-а. Ты же скоро выходишь? Я хочу болеть за тебя здесь, на месте.

Примечание автора:

Синсин в прошлой жизни пережил много ужасного — потому и подозрительный.

Сейчас он хочет дружить с Лулу, но боится, что Лулу ему навредит, поэтому колеблется.

Тайком рвёт лепестки: «да — нет — да — нет — да... нет»

Выбросил последний лепесток — сорвал новый цветок и начал заново.

P.S. Это не «наезд» на женских персонажей, просто особенности сеттинга: раз жанр гаремный, девушек в истории по определению больше.

Глава 14. Линь Луси не только выиграл бой — он доказал всем, что у него нет никаких «особых» намерений к Гао Кэюнь

Линь Луси действительно не просто победил — он одновременно, самым наглядным способом, развеял то, во что многие упорно хотели верить: будто он всё ещё «неравнодушен» к Гао Кэюнь. Потому что человек, который кого-то любит, не станет так бить — не будет давить так яростно, так беспощадно, словно напротив стоит не объект обожания, а заклятый враг.

Счастливее всех оказались те, кто ставил на победу Линь Луси исключительно из-за его внешности — «фанаты лица». Они подняли неплохие суммы и радовались так, будто пришёл Новый год.

Линь Луси тоже был доволен: он поставил на себя, деньги уже упали на счёт — и в одно мгновение он превратился в человека, у которого на руках целое состояние. Почти миллионер.

Совсем скоро на ринг вышел Юэ Синхэ.

Линь Луси развернул на своём коммуникаторе проекцию и вывел в воздух огромный баннер: алые буквы плыли над трибунами, вокруг них лопались цветные фейерверки, будто кто-то устроил мини-праздник прямо посреди серьёзного турнира.

□Юэ-бог — первый в мире, красивый и охрененно крутой□

Не заметить это было невозможно — даже если очень стараться.

К этому добавился и сам Линь Луси, который орал в голос:

— Давай-давай-давай!

Фанаты Юэ Синхэ рядом, боясь «проиграть по громкости» одному человеку, мгновенно подхватили, и трибуны превратились в море пёстрых экранов и плакатов, в шумную, горячую волну криков.

На ринге Юэ Синхэ не удержался и улыбнулся. Его обычная улыбка часто напоминала идеально подогнанную маску — красивую, правильную, но чуть пустую; а сейчас в ней вдруг появилась доля настоящего, живого. И от этого он стал страшно человеческим.

Даже то, что противником был Чжоу Цзыхэн — когда-то близкий ему человек в прошлой жизни, позже купленный и предавший его, — вызывало внутри чуть меньше отвращения, чем могло бы.

Чжоу Цзыхэн слышал, как Линь Луси с энтузиазмом орёт за Юэ Синхэ, и нахмурился, изображая тревогу:

— Синхэ, тебе нужно быть осторожнее с Линь Луси.

Юэ Синхэ не ответил.

Чжоу Цзыхэн решил, что тот не поверил, и шагнул ближе:

— Ты же его знаешь. Он вдруг стал таким тихим и послушным — значит, точно что-то мутит. Ты забыл? Раньше к тебе постоянно приходили проблемы — разве не он их притягивал?

Он повторил, настойчиво, будто вбивал гвоздь:

— Синхэ, осторожнее с Линь Луси. Не верь его нынешней “невинности”. Он тебя усыпляет.

Чжоу Цзыхэн бормотал и бормотал, с удовольствием принижая Линь Луси, и совершенно не заметил, что улыбка на губах Юэ Синхэ стала тоньше — и холоднее.

Через несколько минут Чжоу Цзыхэн, наконец, выдохся и уже торжественно попросил:

— Только не поддавайся. Не “держи руку”.

Он знал Юэ Синхэ всего несколько месяцев, но уже понял главное: тот искренен в отношениях, а к друзьям необычайно терпим и мягок — настолько, что даже к Линь Луси проявляет избыточное терпение. И Чжоу Цзыхэн заранее подстелил соломку: если Юэ Синхэ победит слишком легко, люди могут сказать, что он просто поддался другу.

С виду просьба была дружеской, весёлой, почти шуточной. На деле Чжоу Цзыхэн специально говорил громче — так, чтобы первые ряды зрителей точно слышали.

Он был уверен в себе. В конце концов, у них обоих S-класс по физике; ну да, психосила у него на ступень ниже — А, и что? В рукопашке ведь всё решают кулаки.

Юэ Синхэ чуть приподнял уголок губ.

— Не переживай. Я буду уважать матч, — сказал он тихо.

Матч начался.

Прошло несколько минут.

Матч закончился.

Юэ Синхэ действительно «уважил» — настолько, что не оставил Чжоу Цзыхэну ни малейшей

иллюзии. Он не поддавался ни на йоту: с той же спокойной улыбкой он избил соперника так, что тот перестал быть похожим на себя, сломал несколько рёбер — и Чжоу Цзыхэн, кашляя кровью, с совершенно неверящим лицом был унесён медиками.

Трибуны загудели.

— Я помню, у его противника тоже S по физике, только психосила A... почему же он рядом с Юэ Синхэ выглядит как новичок?

— Это страшно. Он у Юэ Синхэ не выдержал и пары приёмов. Сейчас первокурсники все такие монстры?

— Ужас. Юэ Синхэ будто предугадал его предугаданные движения... каждый удар выглядит так, словно Чжоу Цзыхэн сам подставлялся. И смешно, и жутко одновременно.

— Я сейчас умру от смеха. Кто-нибудь помнит, как Чжоу Цзыхэн пару дней назад хвастался в сети, что он друг Юэ-бога? Ну вот, «друга» унесли на носилках.

Когда всё закончилось, уже было поздно. Линь Луси с остальными ушли со скамьи участников и встали у выхода, в коридоре, ожидая Юэ Синхэ. И вскоре заметили его — но он был не один.

Вокруг него крутились несколько красивых девушек: они смеялись, болтали, смотрели на него глазами, в которых читались восхищение и мечта. Для героя гаремного романа это было почти стандартной картиной — Юэ Синхэ действительно «везло» на поклонниц.

Но стоило Линь Луси вспомнить, что в будущем, под давлением сюжета и собственных эмоций, эти самые люди будут сходить с ума, ломаться, предавать и превращать любовь в оружие, — и остатки зависти исчезли, как дым.

Это была не удача.

Это была будущая катастрофа.

Если у Юэ Синхэ нет к ним чувств, смогут ли они ранить его предательством?

Очевидно — нет. Именно потому он и страдал: он доверял, терпел, спасал, а потом получал нож в спину.

Линь Луси решил: всё. Он будет аккуратно, насколько возможно, обрезать их контакты с Юэ Синхэ. А когда опасные сюжетные узлы пройдут, он найдёт Юэ Синхэ кого-то другого — «внекадрового», без роли в истории, без судьбы предавать.

Линь Луси щёлкнул пальцами: идеально.

Подойдя ближе, он как раз услышал, что девушки обсуждают школьный бал первокурсников, который должен был пройти через несколько дней.

Четыре-пять «богинь» — каждая с внешностью, за которую в сети дерутся фан-клубы, — приглашали Юэ Синхэ стать их партнёром на балу. Они смотрели на него так, словно уже держали за руку судьбу, и ждали ответа с такой трогательной надеждой, что отказаться было бы трудно даже камню.

Юэ Синхэ выглядел усталым и немного беспомощным. Его характер был таким: пока не задето то, что он считает принципом, он редко срывается, редко режет по живому — и потому легко создаёт иллюзию, будто он всем всё позволяет, будто он «балует».

Он был как солнце: кажется, греет именно тебя — но на самом деле одинаково светит всем.

И всё же он не был «центральным кондиционером» в дурном смысле: он держал с каждой девушкой дистанцию — не меньше двадцати сантиметров, ни на миллиметр не переходя рамки обычного общения. И то, что он выдерживал такой шквал внимания и не дрогнул, было одной из причин, почему в глазах Линь Луси Юэ Синхэ действительно оставался человеком особенным.

Девушки повисли на его руке, не отпуская. Даже спокойного, собранного Юэ Синхэ слегка качало туда-сюда, и на его лице впервые промелькнула настоящая, человеческая неловкость.

Линь Луси не спешил вмешиваться. Он и сам не понял, почему ему вдруг захотелось смеяться, глядя на эту сцену: слишком уж редкое зрелище — как герой, которого все считают непоколебимым, оказывается «захвачен» поклонницами, как в комедии.

Но когда Юэ Синхэ бросил на него взгляд — короткий, почти умоляющий, — Линь Луси всё-таки вышел вперёд.

— Девушки-красавицы, простите, — сказал он вежливо, но уверенно. — В тот день Юэ-гэ уже договорился со мной.

Эти девушки, конечно, видели Линь Луси с самого начала. Просто они настолько презирали людей его сорта, что предпочли делать вид, будто его не существует. Но теперь он заговорил — да ещё и при Юэ Синхэ — и игнорировать его стало неудобно. Они тут же повернулись к Юэ Синхэ, требуя подтверждения.

— Ну не надо... Бал первокурсников бывает раз в жизни. Синхэ, ты можешь потанцевать с каждой из нас хотя бы один танец!

— Да-да! Там будет вся элита новичков, столько знакомств... Я знаю сына такого-то межзвёздного дипломата, могу вас познакомить.

— А я знаю наследника такой-то корпорации. У них вышли новые мехи — хочешь, я подарю тебе любой? Только стань моим партнёром на первый танец.

И что там сказал Линь Луси — «у нас договорённость»?

На фоне их возможностей, их статуса, их связей — любой «разумный человек», по их логике, должен был выбирать их.

Они не считали, что предлагают что-то постыдное. Не думали, что Юэ Синхэ, если согласится, будет «продажным». Они слишком хорошо знали, кто он, и именно потому осмеливались так говорить: они были уверены, что их интерес — это признание, а их предложение — естественный путь для сильного.

Люди такого уровня не бывают наивными «сахарными» героинями из сказки. И к тому же, с таким талантом, как у Юэ Синхэ, всё это было ему по праву положено.

В мире, где поклоняются силе, никто не отказывается от мощи добровольно.

Двойной S — редкость почти двух веков. Увидев подобное, они не могли и не хотели отпустить.

Одной фразы Линь Луси было недостаточно, чтобы их остановить.

Они продолжали цепляться за руку Юэ Синхэ, почти по-детски кокетничая. На лице Юэ Синхэ оставалась безупречная улыбка — мягкая, корректная, «как надо», — и только Линь Луси уже начал замечать в ней что-то натянутое.

Юэ Синхэ действительно не мог нормально заговорить.

Слишком близко.

Слишком много чужого тепла, слишком много сладкого женского парфюма, от которого воздух становился вязким. Кожа — нежная, чужая — касалась его предплечья. А ещё — то, от чего многие мужчины теряют голову, но у него поднималось другое: тошнота. Пышные формы, прижимавшиеся как бы невзначай, «случайно» — и от этого ещё более навязчиво.

Юэ Синхэ сдерживал подступающую рвоту; его психосила, и без того нестабильная после недавних срывов, ходила по краю, как по тонкому льду, готовая провалиться в любую секунду.

Он слегка нахмурился, опустил взгляд, сохраняя идеальную кривизну улыбки. Длинные густые ресницы скрывали в глубине глаз то, чего нельзя было показывать: холод, отстранённость, раздражение.

Линь Луси почувствовал, что что-то совсем не так. И прежде чем успел подумать, прежде чем успел взвесить последствия, у него вырвалось — громко, ясно, без тормозов:

— Ладно... скажу честно. В тот день Юэ-гэ занят: он будет с девушкой. У него правда нет времени.

Слова упали в воздух, как граната в тишину.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605956>